

Сквозь плетёную калитку легко можно было разглядеть каждого, кто подходил к дому. Дверь Дин Тяню открыл Дин И, старший сын деревенского старосты.

— Пришёл? — приветливо кивнул тот.

— Ага. Староста дома? — Дин Тянь шагнул во двор и протянул ему гостинцы. — Брат И, это старому Старосте трех деревень Юну, скромный гостинец в знак уважения.

— Дома, дома. И дедушка тоже дома, — принимая корзину, Дин И расплылся в широкой улыбке. — Вот и ладно, что ты поправился. Хороших девчат вокруг пруд пруди, обязательно найдёшь себе по сердцу.

— И то правда! Людей на свете прорва, не сложилось с одной — сойдёмся с другой! — рассмеялся Дин Тянь.

— Золотые слова, парень, — раздался голос из дома, и на порог вышел крепкий мужчина средних лет.

— Дядюшка староста! — весело поздоровался Дин Тянь.

Перед ним стоял нынешний деревенский староста Деревни семьи Дин, Дин Дасин. Он принадлежал к тому же поколению, что и покойный Дин Дахай, отец Дин Тяня.

— И как ты меня назвал? — притворно насупился староста, шутливо сведя брови.

— Дядя Син! — тут же исправился юноша.

Поскольку в их деревне почти все носили фамилию Дин, звать соседа просто «дядя Дин» было бессмысленно — никто бы не понял, о ком речь. Приходилось добавлять к обращению имя. Дин Дасин приходился Дин Дахаю двоюродным братом, но был немного моложе его.

А его старший сын, Дин И, принадлежал к тому же поколению, что и Дин Тянь, но родился раньше, поэтому Дин Тянь уважительно величал его «братом И».

— Твой двоюродный дедушка только-только о тебе вспоминал, — Дин Дасин по-свойски увлёк Дин Тяня за собой в дом.

Усадьба старосты была просторной, в два двора. Главный дом первого двора состоял из пяти комнат, вытянувшихся с востока на запад. По традиции почётная восточная половина принадлежала главе семейства — там в одиночестве жил старый Староста трех деревень Юн, чья супруга давно покинула этот мир.

В западной половине обосновался Дин Дасин с женой. Когда Дасин принял дела и стал деревенским старостой, они с отцом официально разделили хозяйство. Теперь в восточном флигеле жил его старший сын Дин И, а в западном — младший, Дин Цзя.

Во втором, внутреннем дворе стояли покои дочерей старосты, сестёр Дин Мэйхуа и Дин Сянхуа, а также свободная комната для гостей. За ними тянулись амбары, где хранились зерно и сельскохозяйственная утварь.

Остальное место занимал огород, а у самой глинобитной ограды ютились птичники и загоны для мелкой скотины.

Был ещё и отдельный боковой дворик, приспособленный под хлев для волов и навес для плугов.

Дин Юну шёл шестой десяток. Волосы его и брови давно подёрнулись белым инеем старости.

По меркам двадцать первого века пятьдесят с хвостиком — самый расцвет сил, зрелость, до пенсии ещё работать и работать! Однако в эту суровую эпоху, когда до семидесяти лет доживали лишь единицы, пятидесятилетний мужчина считался глубоким старцем.

К тому же здесь существовал негласный обычай: стоило обзавестись потомством, и если твой ребёнок перешагнул рубеж в восемь-девять лет (то есть окреп и точно выживет), ты уже имел полное право именовать себя «почтенным старцем», даже если самому едва перевалило за двадцать!

В современном же мире двадцатилетние юнцы — всё ещё «маменькины сынки», у которых молоко на губах не обсохло.

— Дедушка Юн, — Дин Тянь вежливо поклонился, едва переступив порог.

— Тянь-эр? — Дин Юн сощурился, вглядываясь в гостя, и ласково улыбнулся: — Вот и славно, малый. Проходи, присаживайся на кан, погрейся.

В доме старосты царила образцовая чистота. Кан так хорошо протопили, что от него шло приятное, живое тепло. Дин Тянь скинул обувь, забрался на тёплую кирпичную лежанку и устроился напротив старика.

Староста трех деревень Дин Юн принадлежал к тому же поколению, что и покойный дед Дин Тяня, Дин Шань. Теперь его собственные внуки всюду готовились к свадьбам, а сам он пользовался непререкаемым авторитетом среди жителей всей округи.

В своё время именно Дин Шань горячо рекомендовал Дин Юна на должность старосты трёх деревень. Помня об этом благодеянии, старик всегда относился к семье Дин с особой теплотой и заботой.

— Отец, погляди, Тянь-эр принёс тебе леденцов да свежих яиц, — Дин Дасин махнул сыну, чтобы тот поставил корзину на низкий столик. — Почтение выказывает, шельмец.

— Будто старик голодает! Тебе самому отъедаться надо после хвори, — беззлобно проворчал Дин Юн. Он залез рукой в глубокую чашу на столике и выгреб пригоршню сушёных фиников. — На-ка вот, пожуй сладкого.

— Спасибо! — Дин Тянь с улыбкой принял угощение. — Да я ведь не просто так с подарками пришёл, дедушка Юн. Хочу попросить тебя об одной услуге.

— Ах ты прохвост! Решил старого лиса леденцами задобрить? — старик весело рассмеялся. — Ладно, подношение твоё принимаю. Выкладывай, чего надумал?

— Дедушка Юн, я вот что решил: хочу сдать свои пахотные земли в аренду. Слышал, семье Дин Каня сейчас приходится несладко? Думаю отдать землю им. Как полагаешь, дело выйдет?

Этот шаг Дин Тянь обдумал заранее, но прежде чем действовать, хотел заручиться благословением умудрённого опытом главы рода.

<http://bllate.org/book/19387/1950674>